

Исследована специфика тематики его произведений, которые выделялись социальными и патриотическими настроениями. Проанализированы поэзии со сборников "Из зелёного неба", "Дверь в дом солнца" и "От этой звезды до той звезды".

Ключевые слова: Революционная поэзия Ирана, тематика поэзий С. Гарати.

I. Levchyn, Ph.D, Assistant Professor
Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv

Patriotic motives in Salman Harati's poetry

The author of this article examines the specificity of themes in the revolutionary poetry of Iranian poet Salman Harati (1959–1986) – a representative of the younger generation of poets in 80s of the twentieth century in Iran. The author investigates the social and patriotic statements in Salman Harati's poetry.

Keywords: Iran revolutionary poetry, themes of Salman Harati's poetry.

УДК 821.161.1-3-994.09'06

А. Львович, студ.
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко

ТЕКСТ ОБЭРИУТОВ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА "ЧИСЛА"

В статье приведены результаты сравнительного анализа текстов Даниила Хармса и Александра Введенского с текстами Виктора Пелевина "Элегия" и "Числа" на основании образного ряда в произведениях.

Ключевые слова: авангард, образ, В. Пелевин, Д. Хармс, А. Введенский.

Одной из причин дискурсивных корреляций знаковых произведений XXI века с произведениями, написанными в начале или середине XX века, является попытка переосмыслить ранее заданные ориентиры и творческие методы. Авторы современной литературы активно обращаются к произведениям писателей разных направлений не с целью выработать новые методы, но стремясь переосмыслить старые⁶[5].

⁶ Мережинская А.Ю. Русская литература XX века в обобщающих моделях. Типология и дискуссионные вопросы / А.Ю.Мережинская // Русская литература. Исследования : сб. науч. трудов / Киевский национальный ун-т им.Тараса Шевченко ; Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко ; [редкол. : А.Ю. Мережинская и др.]. К. : Логос, 2006. Вып. 8.

Целью данной работы является выявление методики конструирования ключевого образа романа В. Пелевина "Числа" при помощи творческого метода и образного ряда, представленного в произведениях русских авангардистов (А. Введенский, Д. Хармс).

Задачи исследования:

- выявление и описание ключевого образа романа "Числа";
- описание основных методов построения образа;

Объектом исследования является роман В. Пелевина "Числа".

Предмет исследования – образы, присутствующие в романе.

В романе В. Пелевина "Числа" прослеживается связь с десятками классических произведений русской литературы, в число которых входят: "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы" Ф. Достоевского, "Мелкий бес" Ф. Сологуба, "Два капитана" В. Каверина, "Архипелаг ГУЛАГ" А. Солженицына, многочисленные отсылки к творчеству Л. Толстого, А. Пушкина ("Евгений Онегин", в частности), В. Маяковского. Есть и диалог с европейской и американской литературами: ссылки на Шекспира ("Гамлет", "Ромео и Джульетта"), Стендаля ("Красное и чёрное"), Яна Флеминга. Наиболее сильная связь и в тематике, и в творческом методе романа прослеживается с русскими авангардистами, в частности, с поэтами "ОБЭРИУ": А. Введенским, Д. Хармсом, Н. Заболоцким.

Ввести основные тематические моменты можно из эпиграфа к роману и из эпиграфа к сборнику "ДПП (nn)", в состав которого входят "Числа". Эпиграф к сборнику обуславливает пародийную направленность всего материала. *"Вот так придумывал телегу я/ О том, как пишется элегия"* (В. Пелевин). Сравним: *"Так сочинилась мной элегия, / о том, как ехал на телеге я"* (А. Введенский). Связь с "Элегией" А. Введенского очевидна: набор лексем остался тем же, но структура фразы изменена. Перевернутая конструкция позволяет сделать отсылку к принципу *topsy-turvy world*⁷ [2], на котором основан авангардистский метод. Перевернув с ног на голову ранее заданную идею, В. Пелевин вводит во фразу новый контекст, имея возможность сохранить заданный ранее. Посредством этого возникает пародийный

⁷ Демурова Н.М. Мир вверх тормашками. Москва: Прогресс, 1978.

смысл, к которому стремится весь сборник "ДПП (nn)": переосмыслить идею творческого метода русских авангардистов. Отправной точкой становится декларация "ОБЭРИУ", которая постулирует попытку отыскать новые смыслы посредством новой формы слова и новых возможностей сочетаемости. Подобные попытки обусловили появление ряда новых синтаксических конструкций, которые затруднительно отнести к нормативным моделям современного синтаксиса. В сборнике "ДПП (nn)" В. Пелевин применяет тот же метод в более крупной форме: автор выводит новые смысловые сочетания за счёт столкновения идей.

В конструкциях Д. Хармса изменение смысла понятий происходит на уровне слова и словосочетания, А. Введенский оперирует словосочетанием и предложением. В результате изменения флексий, предложно-падежных форм, специфической расстановки знаков препинания и ряда других факторов получается абсолютно новый текст, смысл которого можно вывести посредством деконструкции структуры произведения на всех уровнях. В. Пелевин в "Числах" применил тот же метод, но на более высоком уровне: изменению подверглись массивы текста, содержащие единую смысловую нагрузку. В результате объединения заданных смысловых единиц в одно произведение получился текст, имеющий несколько смысловых уровней, основным из которых стала идея "another world" или "topsy-turvy world", которая красной нитью проходит через весь роман, но получает текстовое воплощение лишь на последних страницах. Таким образом, изменяются только единицы измерения, а творческий метод остаётся тем же, что позволяет читателю более сильно воспринять результат – это один из вариантов пародирования русского авангарда в "ДПП (nn)".

Роман "Числа" – это попытка воплотить концепцию нового (точнее – изначального) здравого смысла, заданную в начале XX века обэриутами, в пародийной форме. Опорой для строительства "мира" стала концепция чисел как носителей идей, объединённая сознанием нарратора. Всего в тексте романа вступают во взаимодействие 17 чисел, некоторые из которых появляются в тексте несколько раз, каждый раз получая новый смысловой оттенок. Противоречивая трактовка чисел в тексте усиливается

при помощи их взаимодействия на уровне образов и ассоциаций, которые возникают в сознании героя. Таким образом, возникает модель мира, в котором каждое мгновение – это ситуация, *"доведённая до абсурдной. Даже не доведённая, а выстроенная как изначально абсурдная"*.

Постоянная подмена одних наименований другими, широкий метафорический ряд и интертекстуальность усложняют заданную схему, позволяя вводить в повествование новые смыслы. На основе этих смыслов формируется образ пути, некоего движения по заданной траектории из одной точки в другую. Точки соответственно обозначены "ниоткуда" и "никуда". Трактовки этого образа как пути из прошлого в будущее по шкале времени или как пути из Москвы-ниоткуда в Москву-Рим-Никуда по шкале пространства не исчерпывают всего спектра значений. Заданный путь можно также представить как возвращение к первоначалу, переход заветной границы единой смысловой канвы. Этого же результата стремились достичь обэриуты.

"Есть два способа вырваться из стен здравого смысла – либо выбить окна, либо опрокинуть вверх дном всю мебель" – утверждал Эмиль Каммаэрт⁸[6]. Обэриуты последовательно пытались применить оба метода. Первый более применялся в системе организации ритма и лексической наполненности стихотворных произведений ("Стихи нужно писать так, чтобы, если кинуть ими в окно, оно разбилось" Д. Хармс), второй был представлен как в стихотворных, так и в прозаических опытах – на уровне сочетаемости слов и нарушения формальных законов языка. В. Пелевин в целях пародии применил только второй метод.

Эпиграф непосредственно к роману – фрагмент из миниатюры Д. Хармса "Охотники". Реализация мотива пути и невозвращения здесь наслаивается на специфическую форму организации мира, представленную в форме полилога. Как и в "Элегии" А. Введенского, этот текст образует своё пространство, выходом из которого является смерть (*"А тут уж ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удавить"*). У А. Введенского этот мотив реализован в форме постепенного шествия к тому

⁸ Emile Cammaerts. The Poetry of Nonsense. London. George Routledge & Sons, (s.d.), p. 28 (нью-йоркское издание вышло в 1926 году).

мгновенью, когда следует держать равненье на смерть ("... на смерть, на смерть держи равненье, певец и всадник белый").

Образ телеги как средства передвижения по дороге жизни, который в "Элегии" А. Введенского служит объединяющим элементом образного ряда, у В. Пелевина изначально задаёт новое направление движения: задано не повествование о пути к определённой границе, а бесконечный путь, иллюстрацией к которому является текст. Из безграничности пути появляется образ свободы как некоего ориентира в вывернутом наизнанку мире: *"Свобода – это когда нечего терять"*. При этом В. Пелевин приводит в тексте и английский, изначальный, вариант фразы: *"Freedom's just another word for nothing left to lose"*. Упоминание слова как некой единицы, позволяющей выйти за границы, в "Числах" не случайно: подобный образ встречается в тексте несколько раз. *"У слов смысл изменился. Они, вроде, те же самые, но значат теперь совсем другое"*.

Поиск истины при помощи заведомо ложных наименований и трактовок реализован в тексте в нескольких тематических пластах: политкорректность ("называем вещи не своими именами"), ложное и истинное искусство (постановка "Доктора Гулаго"), постоянное наслаивание разных наименований персонажей (Стёпа-Пикачу-Татьяна). Каждый из примеров – это вариант игры в числа, саркастического высмеивания попытки получить истинное при помощи ложного. Заведомо ложным может считаться образ, который присваивают некоему предмету на почве ассоциаций, понимая, что образ со временем заменит предмет. Так образуется модель ложного мира, состоящего из предметов, замкнутых в рамки лживых образов. Такой мир уже перевернут вверх дном, так как отягощён грузом множественных понятий и ассоциаций. *"Секрет капиталистической одухотворённости заключён в искусстве потреблять образ самого себя ... Посмотри на мир вокруг, послушай, что он шепчет... Я – покемон Мюс. Только что с тобой говорил по телефону твой друг Лебедин – он джедай. А из телевизора нам улыбается Тони Блэр – он премьер-министр. В эту секунду в мире нет ни одной цели, ни одного изъяна. Но ты? Могу ли я верить тебе до конца? Настоящий ли ты Пикачу? Или это просто маска, муляж, за которым пустота и древний русский хаос? Кто ты на самом деле?"*.

Наслаивание масок персонажей, а потом постепенное их срывание – ещё один метод, при помощи которого удаётся добиться пародийности в тексте⁹. При этом, полностью сбросить личину удаётся только Стёпе, который изначально понимает лживость заданных образов.

Таким образом, основным образом романа В. Пелевина "Числа" является мир как воплощение пути. Концепция мира представлена в соответствии с миром пародируемого массива текстов обэриутов – мир как ложь.

Основными методами реализации образа в тексте выступает контрастирование и наслаивание идей с опорой на "бессмыслицу" ОБЭРИУ, реализованных в образах чисел, метафоризация и карнавализация образов.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: "Художественная литература", 1990.
2. Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. / Сост. М. Мейлаха и В. Эрля. – М., 1993.
3. Демурова Н.М. Мир вверх тормашками. Москва: Прогресс, 1978.
4. Жаккар Ж.-К. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер.с фр. Петровской Ф.А. – СПб.: Академический проект, 1995.
5. Мережинская А. Ю. Русская постмодернистская литература : [учебник] / А. Ю. Мережинская. – К. : Издательско-полиграфический центр "Киевский университет", 2007.
6. Мережинская А.Ю. Русская литература XX века в обобщающих моделях. Типология и дискуссионные вопросы / А.Ю. Мережинская // Русская литература. Исследования : сб. науч. трудов / Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко ; Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко ; [редкол. : А.Ю. Мережинская и др.]. К. : Логос, 2006. Вып. 8.
7. Пелевин В. ДПП (НН). – Эксмо, 2010.
8. Хармс Д. Полет в небеса. – Л., 1988.
9. Emile Cammaerts. The Poetry of Nonsense. London. George Routledge & Sons, (s.d.), p. 28 (нью-йоркское издание вышло в 1926 году).

Стаття надійшла до редакції 24.04.15

⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М. : "Художественная литература", 1990.

А. Львович, студ.
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка, Київ

Текст оберіутів у романі Віктора Пелевіна "Числа"

У статті наведені результати порівняльного аналізу текстів Данила Хармса та Олександра Введенського з текстами Віктора Пелевіна "Елегія" та "Числа" на основі образного ряду у творах.

Ключові слова: авангард, образ, Д. Хармс, О. Введенський, В. Пелевін.

A. Lvovich, stud.
Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv

Text of "Oberiut" in the Novel by Viktor Pelevin "Numbers"

In the article the results of the comparative analysis of the texts by Danyyl Harms and Alexander Vvedensky with the texts "Elegy" and "Numbers" by Viktor Pelevin in terms of the figurative row are given.

Key words: avant-garde, image, D. Harms, A. Vvedensky, V. Pelevin.

УДК 821.162.1 Ю. І. Крашеський

А. Л. Мальченко, студ.
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка

УКРАЇНЬСЬКА ТЕМАТИКА В ІСТОРИЧНИХ РОМАНАХ ЮЗЕФА ІГНАЦІЯ КРАШЕВСЬКОГО

У статті аналізується трилогія Ю.І. Крашевського на українську тематику ("Баніт", "На королівському дворі", "Божий гнів"), визначаються особливості розвитку жанру історичного роману у творчості письменника, досліджується специфіка художнього відображення української історичної дійсності доби козаччини у польській прозі XIX ст.

Ключові слова: історичний роман, українська тематика, козацтво.

В Європі розквіт жанру історичного пов'язаний з ім'ям Вальтера Скотта і припадає на першу чверть XIX ст. На польському ґрунті епохою витворення історичного роману стало Просвітництво, пов'язане з іменами Ігнація Красіцького, Міхала Краєвського. Активний розвиток цього жанру став результатом впливу роману Скотта, а також зацікавлення поляками власною історією.